

дискурса и смена этих позиций в ходе истории. Так, для средневековой инквизиционной процедуры уголовного судопроизводства (*inquisitio*) центральным жанром выступает «признание обвиняемого» (*confessio*), без которого приговор не может быть вынесен. Для получения признания вводится процедура пытки его провоцирующая – «игра со строгими правилами», «состяжание» между следователем, распорядившемся о пытке, и подозреваемым [Фуко 1999, с. 61–63]. В следственном процессе жанр «судебное заседание» занимает периферийную позицию как логичное завершение следствия, и, напротив, в состязательном процессе – центральное и независимое место. 5. Можно выделить привязанные к определённым стадиям судопроизводства формы («исковое заявление», «заявление о преступлении», «постановление о возбуждении уголовного дела», «обвинительное заключение», «приговор», «кассационное определение суда» и т. п.) и формы, используемые на протяжении процесса (ходатайства, жалобы). 6. Изменчивость, замена, исчезновение жанров в процессе исторического развития дискурса. Суть нового может быть в новом использовании старого (например, *свод – очная ставка*). Каждая эпоха выдвигает те или иные формы и забывает другие. Жанр выражает особенности времени, в котором он используется. При сохранении своей структуры, он может менять свою стилистику. 7. Возможность трансформации речевых жанров, смещении признаков разных жанровых форм, использовании одной формы в качестве средства для реализации другой.

Ритуал судопроизводства (судебная процедура) выступает своего рода сцепкой коммуникативных поступков участвующих в дискурсе лиц. Он встраивает их в общую сценарную канву взаимодействия, легитимируя возможность их актуализации в зависимости от ситуативных, статусных, интенциональных, ценностно-

нормативных факторов. Сценарная канва, получает вариативную реализацию в фабуле «сценического действия», благодаря совершенным и несовершенным коммуникативным поступкам лица и поступкам других лиц, совершенных в отношении него, которые вместе образуют историю его участия в дискурсе.

Особенностью судебного дискурса является форма сценической драмы и принцип нарративной организации. Он соединяет в себе настоящее и прошлое, сочетая признаки сценической игры и ретросказания. Поэтому, судебный дискурс – это история людей, которые задействованы в процессе (подсудимые, свидетели, потерпевшие...), история взаимоотношений людей, которые рассказывают истории о том, что произошло, доказывая свою правоту (см. ст. «судебный нарратив»).

Литература:

1. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста. Собр. соч. в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1996. – С. 159–206.
2. Гарапон, А. Хранитель обещаний: суд и демократия / А. Гарапон. – М.: NOTA BENE Media Trade Co., 2004. – 328 с.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
5. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
6. Палашевская, И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 346 с.
7. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы: пер. с фр. / М. Фуко; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.
8. Austin, J.L. *Philosophical Papers* / J. Austin. – Oxford: Oxford University Press Inc, 1961. – 248 p.
9. Schechner, R. *Performance Theory*. / R. Schechner. – L.: Routledge, 2003. – 407 p.
10. Wagner, A., Cheng, L. *Exploring courtroom discourse: the language of power and control* / A. Wagner, L. Cheng. – Burlington, USA: Ashgate Publishing company, 2011. – 267 p.

СУДЕБНЫЙ НАРРАТИВ

Судебный нарратив – способ дискурсивной практики в судопроизводстве по формированию знания о юридически значимом событии. Событие в судебном дискурсе рассматривается

как релевантное с позиции норм права изменение некоторого состояния действительности, вызванное определённым (без) действием субъекта. Средством анализа события высту-

пают факты, т. е. высказывания о состояниях действительности, которые претерпели изменения в результате определённого (без) действия субъекта и которые в силу норм права имеют юридическое значение. Эти высказывания, представленные как категоричные утверждения, составляют нарративную экспликацию события в текстах судебного дискурса и представляют потенциально значимую для правоприменителя характеристику произошедшего.

Судебный дискурс может быть описан с помощью схемы, включающей следующие компоненты: а) референтный (событие в его реальном развертывании), б) модельный (обобщение повторяющихся фактических случаев), в) нарративный (изложение события с позиций одного из участников / наблюдателей). Референтное событие – то, что познаётся человеком непосредственно при соприкосновении с действительностью. В процессе расследования преступления оно заявляет о себе через ряд разнообразных семиотических типов презентем [термин А.В. Олянич, 2007] – *сцентральные, густальные, аретфактные* или *вещественные, тактильные, графемы, поведенческие* и т. п. – своего рода ключей к построению модели произошедшего. Текст события структурируется за счёт перехода от знаков-презентем события преступления («следов») до связанной последовательности действий его участников: *знаки – действия – событие – презентация события (факты)*.

На этапе расследования преступления явления действительности («следы») приобретают языковую форму. Реальность «именуется» – становится языковым фактом (протокол осмотра места происшествия). Произведённые дискурсом предварительного расследования языковые факты затем наделяются смысловыми взаимосвязями и включаются в систему средств убеждения в правдивости той или иной версии-модели произошедшего [Александров, 2003].

Модельное событие выявляется путём аналитического обобщения повторяющихся признаков различных фактических случаев и подведения их под схемы-инварианты, служащие в дальнейшем для интерпретации новых случаев. Если референтное событие – то, что произошло в действительности, то модельное

событие – то, что должно было произойти, нарративное событие – то, как об этом рассказали. Нарративное событие принадлежит дискурсо-процессуальному уровню и строится, с одной стороны, в соответствии с процессуальными правилами, вписывающими нарратив в дискурс судопроизводства, с другой – с моделью референтного события, которое в нём излагается. Триада референтное событие – модельное – нарративное является необходимым условием осмысленности повествования в дискурсе судопроизводства. Три события связаны между собой отношением последовательной интеграции: референтное событие обретает смысл лишь постольку, поскольку существует возможность его интерпретации посредством модельного, в соответствии с которым осуществляется связывание фактов в определённую конфигурацию в событии рассказывания.

Нарративная организация судебного дискурса может быть представлена как состоящая из единиц трёх уровней: правовой сюжет (генерализованное представление о юридическом событии) – судебная фабула (изложение события с позиции одной из сторон) – текст участников судебного дискурса (протокол, приговор, жалоба, ходатайство, представление). В состязательном судопроизводстве, борьба сторон разворачивается за тот или иной сюжет (модельное событие), сосредоточиваясь на фактуальной стороне дела – знаниях о произошедшем (референтном событии), и обосновании соответствия постулируемого стороной факта с юридическим контекстом его интерпретационной модели в событии рассказывания. Агенты судебного дискурса рассматривают произошедшее как вариации юридических сюжетов, в силу чего языковая презентация события неизбежно отражает соотношение фактических и юридических оснований.

Повествование выполняет связывающую, конструирующую функцию по отношению к событию, собирая его отдельные элементы посредством смысловых синтагматических связей. Юридические словесные обозначения события – *мошеничество, убийство, похищение*, называемые Р. Бартом [2000] «крупными функциями сюжета», относящимися к «коду повествования», представляют собой понятия-

темы, суммирующие событийный материал того или иного дела, подлежащего судебному рассмотрению. На уровне структурной организации события преступления крупные функции образуют доминантный уровень, содержащий придоминантные узлы, которые в свою очередь могут предполагать следующий уровень развёртывания сюжета. Конкретизация доминанты на первом уровне связана с действиями, направленными на промежуточное достижение цели. Второй уровень конкретизации связан с тактико-техническими операциями, которые приспособливают действие к конкретным условиям достижения цели. Они позволяют ответить на вопрос *как, каким образом* осуществляется убийство, кража, захват заложника в конкретном случае. Например, *похищение* человека раскладывается на такие узловые сцены, как *захват* жертвы – её *перемещение* из одного места в другое – последующее *удержание* с ограничением свободы действий в течение неопределённого промежутка времени. В свою очередь каждая сцена предполагает разложение её номинанта на ряд вариативных конкретизирующих его образований: *Захват: Блокирование автомобиля жертвы → Нападение → Принуждение силой (или угрозой оружия) покинуть автомобиль → Пересаживание в автомашину похитителей*. Сюжетное развёртывание, в данном случае, возможно благодаря тому, что действие, обозначаемое глаголом *похищать* не элементарно, сопряжено с рядом конституирующих его активных действий и не единственным способом осуществимо. Развёртка события в нарративных структурах судебного дискурса (в отличие от художественного) детерминирована относительно жёстко и конкретизация действия на каждом уровне его развёртывания не безгранична, как и количество самих уровней. Это обусловлено тем, что действие выступает как независимое от элементарных действий, если последние не выполняют по отношению к нему юридически конституирующей роли. Предел свёртывания события – условное обозначение числами и буквами, указывающими на статью закона, нарушение которого вменяется в вину. Каждый придоминантный узел вместе со своими зависимыми образует целостную и относительно автономную синтаксическую группу.

Линейная организация событийного материала ведётся по придоминантным узлам по принципу фразового нанизывания всех нижестоящих функций, когда каждая фраза по смыслу задаётся предыдущей и определяет последующую, что продиктовано намерением говорящего раскрыть тему и связать текст события в единое целое.

Увязывание событийного материала происходит в соответствии с законами композиционного построения рассказа. К базовым типам композиции, используемым в судебном дискурсе, относятся линейная и фрагментарная. Любая акциональная последовательность может быть разбита на множество отдельных кадров различной крупности. Осуществляя такую разбивку, стороны по делу проводят аналитическую работу по формированию знания о событии. Рассмотрение события в целостности или по фрагментам – это также две противоположные тактики построения дискурса. Распространённым является мнение, что в судебном заседании рассказ, как в эстафете переданный по частям несколькими «своими» свидетелями, убедительнее, чем тот же рассказ, повторенный каждым из них. Построение, при котором событие рассматривается с разных точек зрения глазами нескольких лиц, «подобно тому, как деталь, доводимая до нужной формы, поочерёдно обрабатывается несколькими резцами, подаваемыми вращающейся обоймой», в теории повествования называют «револьверным» [Веллер, 2006]. Оно позволяет рассмотреть произошедшее и его участников как со стороны, так и изнутри, их собственными глазами. Судебный нарратив строится из нарративных линий различных участников дискурса (свидетелей, потерпевших, подсудимых); точки пересечения этих линий образуют факты, имеющие доказательственное значение.

Презентационные типы юридического нарратива могут быть миметическими (в диалогической форме отражающими юридический дискурс) и опосредованными (оформленными в виде повествования о юридически релевантном событии с позиции различных участвующих в дискурсе лиц).

Агональная природа судебного нарратива проявляется в коммуникативном поведении его различных типовых участников, находящихся

внутри или вовне по отношению к референтному событию. Внутренние участники события могут быть представлены как актанты юридической пропозиции, внешние участники формируют модальную рамку пропозиции и занимают одну из позиций – критик либо эмпатик.

Судебный нарратив развёртывается в соответствии с жанровым форматом дискурсно-процессуального события, включающим ситуативную, нормативную и интенциональную составляющие. Ситуативная составляющая представляет собой повторяющийся фрагмент коммуникативной практики (допрос, судебная речь), нормативная – сводится к деонтологической базе коммуникативного события (конвенции жанра, скрипты коммуникативного поведения), интенциональная составляющая заключается в речеактовой основе соответствующих жанров судебного дискурса. Наррация является действием, выражает перформативный аспект судебного дискурса (рассказывая о произошедшем, участник дискурса даёт показания). Особое значение придаётся правилам, по кото-

рым производится нарративное высказывание в ситуации взаимодействия и реализуется (посредством данного высказывания) юридически релевантная интенция.

Литература:

1. Александров, А.С. Введение в судебную лингвистику: монография / А.С. Александров. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. правовой академии, 2003 (а). – 420 с.
2. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / под ред. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196–238.
3. Бремон, К. Логика повествовательных возможностей / К. Бремон // Семиотика и искусствоведение. – М.: Мир, 1972. – С. 108–135.
4. Веллер, М.И. Технология рассказа / М.И. Веллер // Песнь торжествующего племени. – М.: АСТ Москва, 2006. – 368 с.
5. Женетт, Ж. Границы повествовательности / Ж. Женетт // Фигуры. В 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 60–281.
6. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
7. Roermund, G van. Law, Narrative and Reality. An Essay in intercepting politics / G. van Roermund. Den Haag: Kluwer Academic Publishers, 1997. – 252 p.

Н.Н. Панченко

ДОСТОВЕРНОСТЬ КАК МЕЖДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

Достоверность как междискурсивная категория имеет особенности в дискурсах различных типов: в научном, политическом, масс-медийном, религиозном, юридическом и др. Данная категория варьируется в дискурсивном пространстве на осях объективности – субъективности, рациональности – иррациональности, информативности – интерпретативности / воздействия / аффективности, точности – смысловой неопределенности, подлинности – подделки / правдоподобия, соответствия – несоответствия действительности.

Достоверность в научном дискурсе – гносеологический факт, фундаментальный принцип квалификации содержания научного знания, с одной стороны, конститутивный признак научного дискурса (рационального мышления) – с другой. Изучение реальности и установление закономерностей сопровожда-

ется удостоверением в их истинности. С одной стороны, достоверность выступает как структурный элемент научно-исследовательской деятельности, инвариант научного знания наряду с гипотезой, новизной и т. д. С другой, достоверность в научном дискурсе выступает в качестве критерия истинности, трактуя полученные результаты как соответствующие / не соответствующие действительности.

Религиозный дискурс концентрируется вокруг системообразующей, концептуальной доминанты «вера», приобщение к которой является основной целью религиозного дискурса. Достоверность в религиозном дискурсе выступает в качестве вторичной категории после понятия веры. Религиозный опыт может рассматриваться как особая разновидность познания, но в отличие от научной достоверности «высшая достоверность» религиозных догматов